

М. Я. Жорницкая описывает также индивидуальные подражательные танцы эвенков — танец журавля и танец глухаря. Эти танцы она склонна считать тотемическими, исполнившимися в честь родовых патронов¹.

В конце главы автор приводит сведения о роли танцев в мистериях эвенкийских шаманов.

В третьей главе описаны танцы юкагиров и чукчей. Как известно, в настоящее время от древней юкагирской культуры почти ничего не осталось. Фактически уже к концу XIX в. сохранялись лишь язык и фольклор. Исследование, проведенное М. Я. Жорницкой, показывает, что многие танцы и подвижные игры юкагиров исчезли. Ей удалось зафиксировать лишь хоровод-лондол и парный танец-пантомиму лебедь, бытующие у верхнеколымских юкагиров.

Танцы нижнеколымских чукчей существенно отличаются от танцев других народов Якутии. Для чукчей, по материалам автора, наиболее характерны индивидуальные подражательные и пантомимические танцы — танец ворона, журавля, чайки и др. (стр. 111), танец радости «виврелев», танец «обработки кожи скребком», «высматривания горизонта», «бег оленя» и т. д.

Кроме индивидуальных танцев, М. Я. Жорницкая описала и чукотский хоровод «пичгэйн эн» («горлом кричать»). Она предполагает, что эти чукотские танцы «принесены предками современных нижнеколымских чукчей с востока и входят в северовосточный ареал подражательных индивидуальных импровизационных танцев» (стр. 121).

Особенно интересна четвертая глава — «Традиционные танцы и их современное бытование в Якутской АССР». В ней автор показывает, какие огромные возможности для развития получили танцы в условиях социалистической действительности. Она подробно и красочно описывает процесс проникновения народных танцев на профессиональную сцену и в художественную самодеятельность.

Отметим некоторые неточности, имеющиеся в работе. Так, термин «салама» переводится автором как «намордники для телят» (стр. 50). В действительности же «салама» — это шнур из конского волоса с навешанными на нем пучками конской гривы и т. п.

Описывая быт эвенков, М. Я. Жорницкая утверждает, что в чуме дымно, когда горит костер (стр. 67). Но ведь верхняя часть чума специально оставляется открытой для тяги.

В целом рецензируемая работа — серьезное научное исследование, в котором танцы народов Якутии рассматриваются с этнографической и искусствоведческой точек зрения. Название работы уже ее содержания. Ведь М. Я. Жорницкая изучила не только танцы, но и подвижные ритмические игры коренных народов Якутии. Ее книга — это первая монография о традиционных танцах и подвижных играх народов Якутии. Она обращает наши знания по истории культуры народов Сибири и имеет большое практическое значение для развития профессионального и самодеятельного искусства Якутской АССР.

В заключение хотелось бы пожелать, чтобы М. Я. Жорницкая продолжала изучение народных танцев Сибири, тем более, что некоторые из них с течением времени постепенно забываются и исчезают.

Н. А. Алексеев

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

E. Hexelschneider. *Die russische Volksdichtung in Deutschland bis zur Mitte des 19. Jahrhunderts*. Berlin, 1967, 265 S.

Институт славяноведения Германской Академии наук издал под редакцией профессора Х. Х. Бильфельда интересное исследование Эрхарда Хексельшнейдера «Русские народное творчество в Германии до середины XIX века».

Основная черта фольклора как такового — его постоянная изменчивость, подвижность, то, что он живет в веках, передается из уст в уста, не зная социальных,

национальных и тем более государственных границ. Общеизвестно наличие бродячих сюжетов сказок, родство героев и ситуаций эпоса, сходство тем, образов, приемов лирики разных народов. Общность эта не уничтожает национальное своеобразие сказок и песен каждого народа, но лишает их своего особого, характерного для каждой эпохи социального пафоса.

В связи с этим изучение интернациональных связей фольклора любого народа и его взаимодействия с фольклором других народов крайне необходимо и чрезвычайно важно для установления закономерностей литературного процесса в целом. В этом плане существенно изучение связей не только немецкой и русской литературы, которым занимается ряд советских и зарубежных исследователей, но и русского и немецкого фольклора, взаимодействие которых на протяжении длительного времени изучено крайне незначительно.

Эрхард Хэксельшнейдер изучил освоение (Rezeption, по его терминологии) русского фольклора немецкой культурой в XVIII и первой половине XIX в. и убедительно показал в своей книге закономерность этого процесса.

В основу его исследования легла давно существующая в советской науке аксиома, что литературные связи осуществляются не в безвоздушном пространстве, а определяются общественно-политическими, историческими и экономическими предпосылками. Исходя из этого положения, Э. Хэксельшнейдер поставил себе цель выяснить связь между общественным и культурным развитием Германии изучаемого периода и обращением немецких писателей и ученых к русскому народному творчеству. Целеустремленность книги определила ее композицию: литературный процесс рассматривается в ней по хронологическим отрезкам, в начале каждой главы выясняется общественно-политическая ситуация данного периода в Германии, вызвавшая интерес к русской литературе и фольклору. Отдельные главы посвящены знакомству Германии с русским фольклором в середине XVIII — начале XIX в.; значению освободительной войны для восприятия русского фольклора в Германии в 1843—1830 гг.; изучению русского народного творчества в Германии накануне революции 1848 г.

В первой главе Э. Хэксельшнейдер скрупулезно собрал все проявления зародившегося среди немецких писателей, композиторов и ученых интереса к русскому фольклору, в первую очередь к русской песне, рассмотрел первые упоминания о русском героическом эпосе и сказках и их переводы. В результате исследователю удалось установить, что уже в конце XVIII в. в Германии различали отдельные жанры русской народной песни, что уже было известно 40—50 русских песен, из них около 30 с напевами. Посредниками, осуществившими знакомство немецкого общества с русской песенной культурой, явились немцы, служившие в России, немецкие путешественники, реже русские писатели. Достижения русской фольклористики этого периода почти не получили отклика в Германии, чем объясняется случайность отбора материала и его оценки, убеждение, что русские крестьяне безмятежно благоденствуют.

Широкому распространению песен содействовали их напевы; что же касается героического эпоса и сказок, их распространению мешало незнание русского языка. Э. Хэксельшнейдер справедливо подчеркивает значение деятельности Иоганна Рихтера (1763—1829 гг.), переводы и статьи которого, в частности статья о русских сказках и эпических сказаниях, сыграли огромную роль в деле ознакомления немецких читателей с русским фольклором. Знаменательно, что труды Рихтера нашли живой отклик и в русской журналистике и заслужили одобрение Карамзина.

Стремясь исторически объяснить интерес немецкой науки к русскому фольклору, Э. Хэксельшнейдер во второй главе подробно останавливается на обстановке, сложившейся в результате немецкого освободительного движения и русско-германского военного соглашения. Именно ею исследователь объясняет возникновение в этот период интереса к русским солдатским и казачьим песням, а затем и появление сборников русских песен, пришедших по вкусу читателям из буржуазной и мелкобуржуазной среды.

Очень интересны в этой главе страницы, посвященные обращению к русской песне Бетховена, Арндта, Вильгельма Гримма, Нибура и особенно поэта Теодора Кернера.

В эту главу включена как бы небольшая самостоятельная монография, посвященная немецким переводам, переделкам и подражаниям песне «Ехав казак за Дунай». Монография эта существенно дополняет представления русских исследователей о судьбах этой популярной песни.

Обращение в первых десятилетиях XIX в. немецких писателей и ученых к «Слову о полку Игореве» и русскому героическому эпосу Э. Хэксельшнейдер убедительно объясняет влиянием освободительных войн на русско-германские культурные связи.

С анализа общественно-исторических предпосылок обращения к русскому фольклору начинается и третья глава исследования Э. Хэксельшнейдера, посвященная тридцатым и сороковым годам, т. е. периоду, предшествовавшему революции 1848 г. Рассмотрев так называемый сербский период немецкого романтизма и роль чешских деятелей культуры в распространении и популяризации славянского фольклора, он отме-

чает естественное возрождение в 1840-х годах несколько было потухшего интереса к русскому народному творчеству. Подробно Э. Хэксельшнейдер останавливается в этой связи на деятельности собирателя и издателя фольклора В. Вальдбрюля, немаловажные заслуги которого в популяризации славянского фольклора до сих пор не были достаточно оценены, и немецкого демократа В. Вольфсона, связанного с кружком Гервега, с известным писателем Т. Фонтане, с окружением Белинского и Герцена. Ценным вкладом в изучение русско-немецких литературных связей является раздел этой главы, посвященный распространению в Германии русских лубков и публикациям переводов русских сказок в 1830—1840-х годах в Германии и Австрии. Подробно рассмотрены заслуги Якова Гримма в изучении русских сказок.

Исследование Э. Хэксельшнейдера написано на большом материале, частично впервые вводимом в науку, в нем дается последовательное и объективное освещение привлекаемых исторических и литературных фактов, скрупулезный текстологический анализ. В результате автору не только удалось углубить наблюдения его предшественников, внести в них ряд уточнений, по-новому осветить деятельность многих ученых и писателей, дать новую оценку некоторым немецким изданиям русского фольклора, но, главное, убедительно показать закономерность обращения в исследуемый им период немецкой науки и литературы к русскому народному творчеству и вместе с тем показать роль в этом процессе русской прогрессивной фольклористики тех лет.

Книга Э. Хэксельшнейдера — отрадное явление в современном литературоведении, показатель того, что на новой методологической основе возродилось сравнительное изучение литературы и фольклора разных народов, изучение взаимодействия и взаимовлияния разных национальных культур, т. е. возродился интерес к проблематике, вне которой немислимо изучение мирового литературного процесса во всем его многообразии и во всей его сложности.

Э. В. Померанцева

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

L. W. Jones. *The Population of Borneo. A study of the people of Sarawak, Sabah and Brunei*, University of London, 1966, 213 p.

Рецензируемая книга — первое демографическое описание бывших английских колоний Саравака и Сабаха (Британское Северное Борнео), с 1963 г. входящих в состав Федерации Малайзия, и протектората Бруней, расположенных на севере о. Калимантан, остальная часть которого принадлежит Индонезии.

В течение ряда лет автор книги, чиновник аппарата колоний, принимал участие, а в 1931 и 1960 гг. сам непосредственно руководил переписью населения Северного Калимантана¹. Знание специфики всего региона и сравнительный анализ данных демографической статистики с привлечением материалов всех переписей, когда-либо проводившихся в Сараваке, Сабахе и Брунее, позволили Л. Джонсу дать довольно полную характеристику современного состояния этнически разнородного населения Северного Калимантана. Исследователь прогнозирует будущие темпы роста и развития народонаселения Саравака, Сабаха и Брунея, не уходя и от важнейших проблем, связанных с резким увеличением населения во всей Юго-Восточной Азии после второй мировой войны и все растущим стремлением народов к образованию, прогрессу и повышению жизненного уровня. Однако, констатируя наличие этих проблем, автор не видит путей ликвидации внутренних противоречий современного капиталистического общества. Л. Джонсу свойственна чрезмерная идеализация капиталистических отношений и деятельности «белых раджей» в бывших колониях Великобритании. Наивно звучат его рассуждения о «мосте» через «социальный разрыв» между «белыми воротничками» и рабочим классом в странах Азии и других мерах, необходимых для заполнения этого разрыва (стр. 202). И все же ценность фактического материала, собранного Л. Джонсом в книге «Население Борнео», неоспорима.

Книга состоит из восьми глав, богато иллюстрированных таблицами и диаграммами, и двух приложений: «Количественное соотношение между основными этническими группами всего населения в 1960 году» и «Метод подсчета всего и экономически активного населения в 1985 году».

¹ L. W. Jones, North Borneo. Report on the Census of population held on 4 June, 1951, «Man», 1953, v. LIII, № 2, art. 193; его же, North Borneo. Report on the Census of population taken on 10 August, 1960, Kuching 1962; его же, North Borneo. Report on the Census of population taken on 15 June, 1960, Kuching, 1962.